

На правах рукописи

ВЭН Цзятун

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКА,
ФРАЗЕОЛОГИЯ, ОНОМАСТИКА**

Вэн Цзятун

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2023

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Супрун Василий Иванович.

Официальные оппоненты: *Воробьёв Владимир Васильевич*, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», профессор, заведующий кафедрой русского языка и лингвострановедения);

Горбань Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», профессор кафедры русской филологии и журналистики).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Костромской государствен-
ный университет».

Защита состоится 9 июня 2023 г. в 10:00 час. на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.ru>.

Автореферат разослан 12 апреля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 33.2.007.03
доктор филологических наук,
профессор

 М. Ф. Шацкая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема заимствований из одного языка в другой давно находится в сфере интересов лингвистов разных стран. В связи с ускорением развития процессов глобализации, современных средств коммуникации, сближающих страны и народы, постоянно обновляются источники, описывающие жизнь соседних и далёких государств. В результате языки обогащаются посредством проникновения новых заимствований, номинирующих реалии других народов. Укрепляющиеся отношения между Россией и Китаем, русским и китайским народами приводят к увеличению количества китаизмов в современном русском языке, расширению и развитию их коммуникативного использования. Помимо явных заимствований, растёт число калек, номинирующих китайские реалии, описывающих путём буквального перевода фразеологизмы и устойчивые сочетания китайского языка. В переводных и оригинальных текстах фигурируют традиционные и новые китайские иероглифы, что отражает нынешнее состояние транскрипции и транслитерации китайских слов по-русски.

По-прежнему актуальной является разработка теоретических положений межъязыкового взаимодействия, определения новых тенденций проникновения единиц одного языка в другой, их фонетической, морфологической, лексико-семантической адаптации. Большинство работ о заимствованиях в русском языке, о китаизмах ориентированы на этимологию слов и причины их проникновения в русский язык. Исследование заимствований и, прежде всего, калек как способа отражения китайских реалий в современных художественных и публицистических текстах не проводилось. Мало внимания уделялось также освоению китаизмов в русском лексиконе, появлению дериватов от них, сематическому развитию и стилистическому использованию заимствований из китайского языка.

Актуальность диссертационного исследования заключается в том, что в современных условиях международных и межъязыковых контактов существует необходимость определить количественные и качественные характеристики китаизмов в современном русском языке, выявить их фонетические, морфологические, лексико-семантические черты, словообразовательные процессы с ними, особенности их использования в произведениях художественного и публицистического стилей.

Объект исследования – лексические и фразеологические заимствования из китайского языка, встречающиеся в русских художественных и публицистических текстах.

Предмет исследования представляет собой описание путей проникновения китаизмов в русский язык, их фонетическое, морфологическое, лексико-семантическое, деривационное освоение, включение в художественный и публицистический тексты.

Источниками настоящего исследования являются русские и китайские литературные и публицистические произведения в оригинальном и переводном вариантах, включающие китайские заимствования.

Материал диссертации составила картотека автора, включающая более пяти тысяч словоупотреблений китайских лексических заимствований, их дериватов, лексико- и фразеосемантических калек, онимов различных разрядов.

Цель исследования заключается в анализе функционирования номинаций китайских реалий в текстах художественного и публицистического стилей на русском языке.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

- описать взаимодействие русского и китайского языков в различные периоды истории и на современном этапе;
- выявить и классифицировать китайские заимствования в художественных произведениях русских писателей и в произведениях китайских писателей, переведённых на русский язык;
- выявить китайские заимствования в текстах публицистического стиля на материале газет, журналов и Интернета;
- проанализировать процессы калькирования при номинации китайских реалий;
- провести анализ выявленных заимствований в лингвокультурологическом аспекте.

Методологической основой диссертации послужили общелингвистические положения об историческом развитии языка, межъязыковых контактах и отражении их в лексико-грамматической системе, о пополнении лексики путем заимствования.

Основным **методом** исследования является описательный, представленный приемами наблюдения, классификации, семантического анализа, количественных подсчетов и др. Кроме того, используются типологический метод и элементы сравнительно-исторического метода при анализе функционирования единиц в русском и китайском языках.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые описаны китаизмы с точки зрения истории их появления в рус-

ском языке, функционирования в текстах разных стилей, деривационной активности и стилистической роли в тексте. Впервые описаны заимствования из китайского языка в виде очерков истории слов в русском языке, рассмотрены номинации современных китайских реалий в русском языке.

Теоретическая значимость определяется вкладом исследования в историческую лексикологию русского языка, сопоставительное исследование русского и китайского языков, в лексикографию заимствованной лексики в русском языке.

Практическая ценность заключается в том, что результаты проведённого исследования могут найти применение в практике преподавания русского языка в школе и вузе, а также при изучении русского языка как иностранного китайскими студентами. Возможно также использование материалов диссертации в деятельности Институтов Конфуция на территории России.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях в Волгограде, Москве, Элисте, Оренбурге, Донецке и Жешуве (Польша). По теме исследования опубликовано 11 научных работ общим объемом 4,9 п. л., из них 5 статей – в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, и 6 статей – в изданиях, включенных в базу РИНЦ. Основные положения работы обсуждались на кафедре русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Положения, выносимые на защиту:

1. Взаимодействие русского и китайского языков насчитывает несколько веков. Первые документально зафиксированные контакты русских и китайцев состоялись в XVII в., что привело к появлению в русском языке китаизмов. Учитывая типологическое отличие двух языков, при освоении китайских заимствований русским языком китаизмы получали грамматические характеристики языка-реципиента и становились фонетически приспособленными к нему. В числе китаизмов в русский язык вошли слова, относящиеся к номинациям реалий китайской жизни (*чай, шелк, жемчуг, женьшень* и др.).

2. Значительное число китаизмов пришло в русский язык через тюркское посредничество, в результате чего они были предварительно приспособлены к тюркской фонетике, а затем прошли адаптацию в русском языке. К числу первых китаизмов в истории русского языка относится лексема *жемчуг*. Соответствующая номинация в китайском

языке образована путем соединения слогоморфем 珍 ‘драгоценный’ и 珠 ‘шарик / бисер’, в русском языке произошло освоение тюркской лексемы чиңчи с добавлением к ней финали -уҗ по модели слов с этим суффиксом или финалью: *овсюҗ, круг, плуг, струҗ, утюҗ, битюҗ, сычуҗ* и др. В русском языке слово первоначально фиксируется в форме *жънчюҗъ* в 1161 г., но сама реалья была известна ранее. Лексема *жемчуҗ* вошла в активный словарный запас русского языка, она стала основой многих дериватов, от нее были образованы антропонимы, топонимы и урбанонимы. Лексема *чай*, восходящая к китайскому слову 茶, в тюркских языках приобрела финаль [i/j]. Это слово вошло в активный словарный запас русского языка, стало номинировать традиции русской лингвокультуры.

3. Китаизмы приходили в русский язык также через западноевропейские языки. Лексема *шёлк* была заимствована из китайского языка маньчжурами и монголами. От них в VI в. название ткани в форме σῆρες было заимствовано византийцами. Топоним *Sēres* в латинском языке буквально понимался как ‘Государство, богатое шёлком’. У греков или римлян варяги заимствовали название шёлка, преобразовав его в *silki*. Восточные славяне закономерно преобразовали это слово в *шьлькъ*. Название ткани стало основой многих дериватов в русском языке, приобрело переносные значения, используется в текстах различного тематического содержания.

4. Запись китаизмов в русских текстах XVII–XIX вв. могла быть весьма удаленной от реального звучания слова в китайском языке по разным причинам: а) отсутствие строгих правил транскрипции китайских слов по-русски; б) с XVIII в. в китайском языке произошли изменения в произношении слов, а запись китаизма в текстах может отражать прежнее звучание лексемы; в) книги и статьи о Китае могли быть написаны на иностранном языке, при их переводе на русский язык проявлялось влияние иноязычной транскрипции на оформление китаизма; г) в китайском языке существуют значительные отличия между диалектами, в русские тексты могло попасть диалектное произношение единицы; д) из-за особенностей китайской истории и межнациональных отношений в стране некоторые из лексем были заимствованы из маньчжурского и монгольского языков, но они используются для отражения реалий китайской жизни, поэтому могут быть отнесены к китаизмам; е) неустойчивые правила передачи китайских слогоморфем по-русски нашли отражение в том, что практически все китайские топонимы и антропонимы записывались через дефис, с 1980-х гг. они стали писаться в русском языке слитно.

5. Для понимания особенностей семантики китаизмов при их включении в текст на русском языке и определения функционирования антропонимов, топонимов и других ономастических единиц в русском тексте в исследовании рассматриваются китайские этнонимы, топонимы, антропонимы и названия титулов, названия династий и девизы правления, храмовые имена представителей династий Мин и Цин, макаронизмы, кальки названий должностей в императорском дворе и полукальки, с помощью которых поясняются названия китайских провинций, уездов, городов, рек, гор и пр., а также имена исторических лиц и политических деятелей Китая, номинации исторических событий и явлений культурной жизни страны.

6. В современном русском языке при описании Китая в текстах художественного и публицистического стилей происходит калькирование названий административных органов и других реалий: *Центральный комитет Коммунистической партии Китая, ЦК КПК, Всекитайское собрание народных представителей, ВСНП, Государственный совет Китая, Госсовет Китая* и др. Традиционно используются термины для описания китайской действительности (провинция, уезд), а также найдены русские единицы, семантически близкие китайским реалиям: 街 и 路 – улица, 大街 и 大路 – проспект, 胡同 – переулок, 河 и 江 – река и др. В русском языке происходит адаптация китайских топонимов и антропонимов, при этом некоторые сохраняют историческую форму (北京 – Пекин, 南京 – Нанкин, 蒋介石 – Чан Кайши) и диалектное звучание (香港 – Гонконг / Сянган, 澳门 – Макао / Аомэнь, 孙逸仙 – Сунь Ятсен).

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением большого объема научно-исследовательской литературы по теме диссертации, обоснованностью исходных теоретико-методологических позиций; использованием адекватных методов исследования с объективными количественными и качественными показателями результатов, репрезентативностью рассмотренного материала (более 5 тысяч слово- и фразеупотреблений).

Личный вклад автора является определяющим в получении результатов, изложенных в диссертации, и заключается в его непосредственном участии во всех стадиях исследования. При личной включенности автора, начиная с анализа российской, китайской и иностранной научной литературы, постановки цели и задач исследования и их реализации, сбора необходимого материала, работа завершалась представлением результатов в научных докладах на всероссийских и международных конференциях, публикацией статей в рецензируемых изданиях, а также формулировкой положений, выносимых на защиту.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает 278 страниц и состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы (358 наименований, из них 126 – зарубежных авторов), словарей и энциклопедий (53 наименования), печатных и электронных источников (65 наименований) и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, определяются актуальность, цель и задачи работы; обозначаются объект и предмет исследования, методологическая основа, методы работы, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации.

В **первой главе «Историко-лингвистические основы анализа состояния китайских заимствований в русском языке»** рассматривается состояние заимствований китайского происхождения в русском языке с XVII в. и выявляются входящие в русский словарный запас заимствования, которые номинируют реалии китайской жизни, а также предметы, пришедшие из Китая и ставшие частью русской лингвокультуры.

В **параграфе 1.1 «История взаимодействия русского и китайского языков»** раскрыты исторические контакты России с Китаем в XVII–XX вв. По мнению некоторых китайских и российских ученых, первые контакты между Русью и Китаем произошли ещё во времена династии Юань (XIII–XIV вв.), однако в источниках они упоминаются лишь косвенно. Из истории дипломатии известно, что впервые русские посетили Среднюю империю в 1618 г., во время правления династии Мин, когда группа российских землепроходцев прибыла в Пекин. В рукописи Ивана Петлина представлены слова, заимствованные непосредственно из китайского языка. Текст описания этой поездки заинтересовал иностранных дипломатов. Английский посол России Джон Мерик перед отъездом из страны летом 1621 г. выкрал из Посольского приказа или тайно купил у вора копию этой рукописи и вывез её в Англию, после чего она начала переводиться на европейские языки: английский (1625 г.), французский (1634 г.), шведский (1667 г.). Предполагается, что с этим переводом был знаком английский поэт и мыслитель Дж. Мильтон (1608–1674), написавший в 1649–1652 гг. книгу «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежа-

щих к востоку от России вплоть до Китая. Почерпнуто из трудов нескольких очевидцев».

О путешествии Ивана Петлина упоминает академик Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771), который с 1739-го по 1748 г. находился в Сибири, а в 1768 г. опубликовал книгу «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen». В 1774 г. она была переведена на русский язык академическими переводчиками Иваном Ивановичем Голубцовым (1715–1759) и Василием Ивановичем Лебедевым (1716–1771). Книга была компиляцией трудов академика Герхарда Фридриха (Фёдора Ивановича) Миллера (1705–1783). Вернувшись из Камчатской экспедиции, он в 1750 г. издал на русском языке первый том собранных материалов под названием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена». Академик оставил большое количество рукописных текстов, которыми воспользовался И. Э. Фишер.

Русский историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук Григорий Иванович Спасский (1783–1864) обнаружил в Императорской публичной библиотеке рукопись Ивана Петлина, переписанную Петром Козьмичом Фроловым (1775–1835), и напечатал её в 1818 г. в основанном им (вместе с В. В. Дмитриевым) журнале «Сибирский вестник». Так сведения об этой поездке стали известны в России. До этого исследователи пользовались упомянутыми выше переводами на французский и английский языки.

При династии Цин контакты Китая с Россией продолжились. По приказу китайского императора Канси (1654–1722) в начале XVIII в. была открыта Школа русского языка при Дворцовой канцелярии (内閣俄罗斯文官). Однако уровень обучения русскому языку в школе оказался низким: в 1805 г. четыре лучших ученика, направленные в качестве переводчиков на встречу с русскими послами, не смогли ничего понять в их речи.

Интерес к Китаю и жизни его народа проявился в российской журналистике: в 1858 г. в журнале «Русский вестник» была опубликована статья немецкого востоковеда Карла Фридриха Неймана. Она называлась «Современное положение Китая и его отношение к союзникам» и содержала обширную и ценную для русского читателя XIX в. информацию.

В названных публикациях о Китае XVII–XIX вв. приводится значительное число китаизмов: антропонимов, топонимов, названий ки-

тайских реалий. Они записаны в текстах на русском языке в приближенной транскрипции, а при переводе с немецкого языка – в транслитерации.

В *параграфе 1.2 «История слов китайского происхождения в русском языке»* рассматриваются старинные заимствования китайского происхождения, пришедшие в русский язык через иноязычное посредничество. Эти лексемы были освоены русским языком, получили необходимые грамматические характеристики и стали фонетически приспособленными. Они входят в активный словарный запас русского языка и употребляются в текстах разных стилей: в художественных произведениях, поэзии и в публицистике.

В число первых китаизмов в истории русского языка входит лексема *жемчуг*. В китайском языке слово 珍珠 образуется путем соединения слогоморфем со значениями ‘драгоценный’ и ‘шарик / бисер’. В русском языке произошло освоение тюркской лексемы *чиңчи* с добавлением к ней финали *-уг* по модели сходных русских слов. В русском языке слово первоначально фиксируется в XII в. в форме *женьчюгъ*. Форма *женчугъ* употребляется до первой четверти XV в. (последняя фиксация – примерно 1425 г.), от неё образовано прилагательное *женчужьныи / женчюжьныи*. Однако уже в конце XIV в. для удобства произношения в слове происходит прогрессивная контактная диссимилиация и в сочетании двух переднеязычных [нч] первый согласный заменяется на губной, появляются формы *жемчугъ / жемчюгъ / жомчюгъ*.

Реалия обрела популярность в русском обществе, стала восприниматься частью русской культуры, а её номинация получила широкое распространение в языке и речи. Лексема *жемчуг* вошла в активный словарный запас русского языка, стала основой для многих дериватов и фразем (устойчивые словосочетания: *зубы как жемчуг, бурмитский жемчуг, русский жемчуг, новгородский жемчуг, римский жемчуг, кокосовый жемчуг, окатистый жемчуг, скатный жемчуг* и т. д.; с закономерной первой палатализацией заднеязычного *г > ж*: *жемчужный, жемчужина, жемчужиться*; композитные единицы: *жемчужно-серый, жемчужно-розовый, жемчужно-белый, жемчужно-серебряный, жемчужно-серебристый, жемчужно-золотой* и т. д.), От нее были образованы антропонимы (*Жемчугов, Жемчужина, Жемчужник, Жемчужников*), топонимы (*река Жемчужная, мельница Жемчужина, деревня Жемчужная* – ныне Жемчужино), многие эргонимы и урбанонимы в русском языке.

Китайский чай и чайная культура разными путями получили распространение в других странах. В Европе первоначально было известно слово с начальной аффрикатой *cha, tcha, chia, cia*, восходящее к португальскому заимствованию из мандаринского варианта китайского языка 茶 [chá] в 1550-е гг. Однако с 1610 г. главным поставщиком чая в Западную Европу становится голландская Ост-Индийская компания, завозившая чай из южной части Китая, где был распространён кантонский (гуанчжоуский) диалект, в котором названия растения и напитка произносились как [te].

В Россию высушенные листья чайного растения впервые попали в XVII в., когда казаки преподнесли царю свертки с чаем в качестве подарка от монгольского алтын-хана. Как и лексема *жемчуг*, слово *чай* пришло в русский язык через тюркское посредничество, при этом севернокитайская лексема 茶 [chá] приобрела тюркскую финаль [i/j]. Постепенно чай стал частью русской культуры, получил распространение в широких слоях населения. За время функционирования слова *чай* в русском языке появилось большое количество его дериватов, оно вошло в состав фразеологизмов и устойчивых словосочетаний: *чаёк, чашишко, чайник, чайничек, чаинка, чайная, чаевые, чаёвник, чаёвница, чаёвничать, иван-чай, зелёный чай, чёрный чай, байховый чай, чай со слинками; дать / давать (брать) на чай, Чай да сахар!, Спасибо за чай-сахар!, гонять / распивать чаи, обсудить за чашкой чая* и т.д.

Шёлк представляет собой символ древнекитайской цивилизации и играет важную роль в экономике, культуре и даже политике. Среди надписей на костях и черепаших панцирях обнаружено более 100 иероглифов с ключевым указателем 糸 [sī] ‘шёлк’. Эта лексема получила в соседних языках фонетическое расширение: маньчжурское *siŋhe*, монгольское *siŋkek*. От них в VI в. название ткани в форме σῆρες было заимствовано византийцами, от которых оно пришло в латинский язык: *sericus, Sēres*. В Византии или Риме с этой тканью и её названием в IX–X вв. познакомились скандинавы, преобразовав слово в *silki*. В русский язык слово в форме *шьлкъ* пришло в XIII в., заменив прежнее слово *паволока*. У восточных славян возникли такие формы: рус. *шёлк*, укр. *шовк*, белорус. *шоўк*.

С конца XVI в. в России началось развитие производства шёлка, сначала на Северном Кавказе и в низовьях Волги, а затем и в центре страны. Появилось большое количество терминов, связанных с шёлкоткачеством. Слово *шёлк* вошло в русский литературный язык, приобрело метафорические и метонимические переносные значения, стало

широко использоваться во всех стилях языка, в разных художественных, публицистических, научных произведениях. От него образованы многие дериваты: *шёлковый*, *шелковистый*, *шелковица*, *шелковик* и т.д. В истории отмечен *Великий шёлковый путь*, который проходил от китайского города Сианя до Средиземного моря. В XXI в. он нашёл своё продолжение в китайской стратегии «Один пояс – один путь».

В китайском языке первоначально существовало слово 卷 [juàn] как счётная единица в третьем тоне [juǎn]. Затем, сменив тон, оно стало использоваться для обозначения шёлковых книг, свитков и постепенно существенно изменило своё произношение и развило семантику: [kièn/kiuèn > juàn] ‘свиток’ > ‘книга’. Слово *книга* появилось в праславянском языке в результате заимствования из древнетюркского языка от лексемы *küinig*, которая восходит к китайскому слову 卷. Оно встречается во всех славянских языках и уже не воспринимается как заимствование. В русском языке было образовано большое количество дериватов, которые относятся к написанию, изготовлению и продаже книг, а также выражают оценку книжного произведения и человека, читающего книги: *книгочей*, *книжник*, *книжка*, *книжища*, *книжечка*, *книжонка*, *книжища*.

Женьшень 人參 [rénshēn] входит в китайскую культуру как важное медицинское средство и как часть культурной традиции. Сложны легенды о нём, исполняются песни, танцы, пишутся произведения китайской национальной живописи и т. д. Слово *женьшень* было заимствовано русским языком из китайского путём транскрибирования. Представление о женьшене как лекарственном средстве известно русским с конца XVII в. В сохранившейся рукописи «Описание первая части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городами и провинциями» русского дипломата, путешественника, переводчика Посольского приказа Николая Гавриловича Спафария (Милеску) (1636–1708) впервые встречается описание женьшеня, который номинируется словом *корень*. Лексема *женьшень* появилась в русском языке только в конце XIX в. Дериватов от слова и словосочетаний с ним немного: *женьшеневый*, *женьшеньщик*. Под влиянием китайской культуры слово *женьшень* приобрело переносные значения и дополнительные коннотации, отражённые в художественных текстах о Китае и китайцах.

Таким образом, старинные китаизмы вошли в состав активного словарного запаса русского языка, перестали восприниматься как иноязычные слова, стали обозначениями явлений и фактов русской лингво-

культуры. Их функционирование в русском языке ничем не отличается от исконных слов, они образовали большое число дериватов, стали полисемантами, вошли в состав фразеологизмов. По мере распространения предметов китайской культуры в российском обществе в русский язык заимствуются другие китаизмы (*женьшень*).

Во **второй главе «Историческое развитие номинаций китайских реалий в русских текстах»** рассмотрены номинации китайских реалий в описаниях жизни Китая и его народа в русских или переведенных на русский язык текстах XVII–XX вв. Среди них отмечаются переводные кальки и слова, не освоенные языком, сохраняющие фонетический облик и семантику исходной китайской единицы. Их в лингвистике называют варваризмами и экзотизмами.

Начиная с XVII в. отношения между Китаем и Россией становятся всё более интенсивными. Русские дипломаты, путешественники и исследователи знакомятся с жизнью китайского народа, описывают его быт, традиции, особенности культурной жизни, включают в тексты китаизмы различного типа и структуры. В росписи Ивана Петлина встречаются китаизмы, описывающие реалии китайской жизни. Они могли иметь искажённую форму в связи с отсутствием в этот период русско-китайских контактов правил транскрипции китайских иероглифов средствами азбуки: антропонимы *князь Санчин* – 显臣 [xiǎnchén] или 强臣 [qiángchén], *фучан* – 副将 [fùjiàng], *Тойвань* – 大王 [dàwáng], *князь Шубинь* – 守备 [shǒubèi]. Встречается также калькирование ряда китайских топонимов: *город каменной* – 石头城 [shítouchéng], *город Магнитовов / Магнитовой город*. Название было объяснено в комментариях Г. И. Спасского как Кен-мин-кенъ (путунхуа: Юаньминъюань – 圆明园 [yuánmíngyuán]). Однако город был построен в 1709 г., уже после путешествия Ивана Петлина, поэтому мы предполагаем, что словосочетание относится к одному из названий Запретного города – *Цзыцзиньчэн* (紫禁城 [zǐjinchéng]).

Первым сохранившимся официальным международным документом в истории русско-китайских отношений является Нерчинский договор 1689 г., написанный на русском и маньчжурском языках и переведенный на латынь. В нём встречаются китайские имена, наименования должностных лиц и географических объектов, которые затем использовались и в других документах. После подписания договора торговые контакты между обоими государствами получили быстрое развитие.

В архиве дворцового комплекса 故宫 «Гугун (Запретный город)» в Пекине хранятся 9 документов, касающихся установления и разви-

тия торговых и дипломатических отношений между Россией и Китаем. В них встречаются китаизмы: топонимы, антропонимы, титулы китайских правителей и должностных лиц, названия китайских реалий. Лексемы могли быть заимствованы через посредничество монгольского или маньчжурского языков: *китайскы страны* – срединная равнина Китая, север и северо-восток страны, *хинские страны* – северо-западная и юго-западная части Китая, они образуют *Китайское царство* или *Китайское государство*, *Мунгальский приказ* – китайское учреждение *Ли-фаньюань*, 理藩院 [lǐfānyuàn], гидроним *река Наун* – 嫩江 [nèn jiāng], титул *тушетухан* – 土谢图汗 [tǔxiètú hàn] и мн. др.

В июне 1725 г. Екатерина I направила в Китай полномочного посла С. Л. Рагузинского-Владиславича. В октябре 1726 г. он был с большим почётом принят императором Иньчжэнем (胤禛, *Yinzhēn*). В 1731 г. в Россию прибыло первое китайское посольство и привезло обещание китайского императора содействовать торговле с Россией. Это привело к появлению новых китаизмов и расширению сфер функционирования прежних в русском языке.

Следует учитывать, что с XVIII в. в китайском языке произошли изменения в произношении слов, а запись китаизма в анализируемых книгах и статьях может отражать прежнее звучание лексемы. В китайском языке существуют значительные отличия между диалектами, поэтому в русские источники могут попадать единицы с диалектным произношением. В опубликованных в России переводных текстах европейских ученых и путешественников китаизмы представлены в освоенном одним из европейских языков виде. При этом часто местом пребывания европейцев был Южный Китай, поэтому заимствованные лексемы восходят к кантонскому (гуандунскому) наречию китайского языка, например: 江 ‘река’ – *кан* в цзянсийском диалекте, путунхуа *цзян* [jiāng]; 福建 [hougien] ‘провинция Фуцзянь’ в южнофуцзяньском диалекте *Гоагиен*, *Фокиен* – путунхуа *Фуцзянь* [fújiàn]; 清江 в цзянсийском диалекте название уезда в провинции Цзянси *Кинган* – путунхуа [qīngjiāng] *Цинцзян* и др.

Из-за особенностей китайской истории и межнациональных отношений в стране некоторые лексемы китайского языка имеют маньчжурское и монгольское происхождение (заимствованы из монгольского языка: топоним *Алашань* – 阿拉善 [ālāshàn] и его дериваты *Алашанская пустыня*, или *Алашанские пески* 阿拉善沙漠 [ālāshàn shāmò]; *Таиши* – 太师 [tài shī]; *Манджусри Таитсу* – 文殊太祖 [wénshū tài zǔ], первая часть *文殊* [wénshū] и т. д.; заимствованы из маньчжурского языка:

алегада – 大学士 [dàxuéshi], *Манджу* – 满洲 [mǎnzhōu] и др.). Однако они рассматриваются нами как китаизмы, поскольку эти слова прочно вошли в состав китайской лексики, активно используются в языке и речи для описания явлений и фактов жизни Китая и именно из китайского языка чаще всего заимствованы русскими.

Некоторые китаизмы в текстах XVII–XX вв. были преобразованы в связи с изменениями в китайской лингвокультуре и уточнением транскрипции слов китайского языка. Так, название династии Мин (大明) [dà míng] ‘Великая Мин’ в XVII в. отмечено как *Табун*, в XVIII в. – *табын*. В XIX в. под влиянием европейских языков это династическое имя представлено в форме *Минг*, однако всё регулярнее встречается обозначение по правилам палладицы *Мин* и калька *Минская династия* < 明朝 [míng cháo]. Данное явление также проявляется в виде переменной формы словосочетания 万里长城 [wànlǐ chángchéng] – *Китайский крым* в XVII в., *Великая стена* и *Ван-ли-чан-чэн* в XVIII в., а ныне официально переводится в русских текстах как *Великая китайская стена*.

В конце XIX – начале XX в. были выработаны правила передачи китайских слогоморфем средствами русского алфавита. До 1980-х гг. в русском языке было принято писать двухсложные китайские имена через дефис (*Мао Цзе-дун*). В начале 1980-х гг. правительство КНР обратилось в ООН с просьбой придерживаться в орфографии имён китайцев норм путунхуа и пиньиня, по которым личные имена пишутся слитно (*Мао Цзедун*). С этого времени в русских текстах принято только слитное написание имён китайцев.

Имеется ещё одна проблема использования китайских антропонимов в русском тексте. В китайской лингвокультуре личное имя никогда не ставится перед фамилией, что позволяет китайцам считать неточной английскую терминологию first name и last name. В русском языке нет строгой последовательности отдельных частей антропонимической формулы в тексте. Предпочтительным является следование имени и отчества перед фамилией, но в списках принято на первое место ставить фамилию, а после неё имя и отчество (ФИО в анкетах). Однако под влиянием европейской (англизоязычной) традиции оформления библиографических данных в описание дополнительно включается имя и отчество (инициалы) перед фамилией. Непонимание китайской антропонимической формулы приводит к неправильному оформлению библиографического описания статей и книг китайских авторов по-русски. Так, одна из наших статей в содержании журнала и в РИНЦ записана как *Цзятун В.*; профессор Чанчуньского университета Ван Цзиньлин в одной публикации отмечена как *Цзиньлин В.*

Итак, рассмотренные в исследовании китайские этнонимы, топонимы, антропонимы и названия титулов, династий и девизы правления, храмовые имена представителей династий Мин и Цин, макаронизмы, кальки названий должностей в императорском дворе и полукальки оказались полезными для понимания особенностей семантики китаизмов при их включении в текст на русском языке. Они способствовали пояснению названий китайских провинций, уездов, городов, рек, гор и пр., а также имен исторических лиц и политических деятелей Китая, названий исторических событий и реалий культурной жизни страны.

Третья глава «Номинации современных китайских реалий в русском языке» посвящена номинации современных китайских реалий при описании жизни Китайской Народной Республики и её народа. Учитывая постоянно расширяющееся русско-китайское экономическое, научное, образовательное, культурное сотрудничество, рост числа китайцев, посещающих Россию, и русских, выезжающих в КНР, мы можем предположить скорое увеличение количества подобных номинаций, что ставит перед языковедами задачи их описания и нормализации.

В древности язык жителей Китая находился в диалектной раздробленности. Между отдельными частями территории, на которых жили племена древних китайцев, располагались труднопреодолимые горные массивы, бурные реки, отсутствовал удобный транспорт для переездов на дальние расстояния, что не позволяло осуществлять коммуникацию между людьми. В результате разные диалекты, отдаляясь друг от друга, становились малопонятными в соседних этноколлективах. После того как Цинь Шихуан (259–210 гг. до н. э.) – правитель царства Цинь положил конец двухсотлетней эпохе Воюющих царств и объединил Китай, китайская письменность (雅言 [yǎyán] ‘изящные слова’) начала обретать единые черты, что оказало содействие развитию общего национального языка.

Во время правления династии Юань столицей страны стал Ханбалык, который китайцы называли Даду (大都 [Dàdū] ‘великая столица’), здесь сложился пекинский диалект (койнэ). В 1368 г. Чжу Юаньчжан переименовал город в *Бейпин* (北平 [Běipíng] ‘Умиротворённый Север’), а в начале XV в. третий император династии Мин Юйлэ назвал город *Бейцзин* (北京 [Běijīng] ‘Северная столица’). Здесь сложился *гуаньхуа*, называемый в западной ориенталистике «манدارинское наречие» (官话 [guānhuà] ‘чиновничья / мандаринская речь’). В середине XIX в. был предложен термин *гоюй* (国语 [guóyǔ] ‘государственный язык’), который приобрёл официальный статус в 1911 г., а ныне ис-

пользуется в южной провинции Гуандун, в Гонконге, Макао и на Тайване. Путунхуа (普通话 ‘общепонятный, распространённый, обычный язык’) как общий для всех ханьцев язык был сформирован после стандартизированной его обработки на основе северных диалектов Китая. Этот термин стал официальным в 1955 г.

Современный китайский язык включает в себя литературный язык (путунхуа) и диалекты (наречия). Они взаимодействуют друг с другом, оказывая взаимное влияние на всех языковых ярусах. Китайские диалекты разделяются на семь групп: 1) северный диалект (северо-восточный диалект; северо-западный диалект; юго-западный диалект; диалекты Цзянхуай); 2) диалекты группы У (в Шанхае, южной части Чанцзяна и восточной части Чжэньцзяна, в провинции Цзянсу); 3) диалекты группы Сян (в большей части провинции Хунань); 4) диалекты группы Гань (на большей части территории провинции Цзянси); 5) диалекты группы Хакка (в провинциях Гуандун, Цзянси, Хунань, Сычуань, на острове Тайвань, в Гуанси-Чжуанском автономном районе); 6) диалекты Минь, включающие в себя южнофуцзяньский, севернофуцзяньский (闽南语, 闽北语) и восточнофуцзяньский (闽东语); 7) диалекты группы Юэ (в центральной и юго-западной части провинции Гуандун, на юге и востоке автономного района Гуанси, а также в Гонконге и Макао). Китаизмы отражают произношение путунхуа и диалектов, особенно южных.

По мере знакомства европейцев с Китаем и его народом появилось стремление записать китайскую речь средствами алфавита. Как мы видели в описаниях Китая в текстах XVII–XIX вв., часто это происходило спонтанно, с приблизительным, случайным выбором букв. К попыткам передать китайскую речь алфавитным письмом обратились китайские учёные. 11 июля 1913 г. был разработан алфавит *чжуинь-цзыму* – «алфавит для указания правильного произношения». 23 ноября 1918 г. появился *гоиньфухао*, который также называют *бопомофо* по наименованию четырех первых знаков. В апреле 1930 г. *чжуинь цзыму* был переименован в *чжуинь фухао*. Однако эти системы в настоящее время не используются, поскольку неточно передавали звучание слов китайского языка, а последняя была недоступна для тех, кто не владел китайской иероглифической системой. В период правления династии Цин (XVII–XX вв.) возникла так называемая почтовая романизация (латинизация) китайского языка, составленная на основе книги «Курс разговорного китайского языка» (语言自述集) британского дипломата и китаеведа Томаса Фрэнсиса Уэйда (1818–1895). Эта система актив-

но употреблялась для записи китайских топонимов и антропонимов. В 1950-е гг. китайские учёные разработали систему пиньинь (拼音) ‘произносимые звуки’, которая соответствует произношению китайских слов в литературном языке (путунхуа), но она считается не официальной письменностью, а только графическими знаками для отражения произношения китайских слов.

Передача китайских названий и нарицательных слов-экзотизмов в русском языке имеет давнюю историю. Первая система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1838–1939 гг. Архимандрит Палладий её доработал и внёс принципиальные уточнения, поэтому в честь него она справедливо стала именоваться палладиевской системой, или палладицей. После орфографической реформы русского языка 1917–1918 гг. уточнения в палладицу были внесены выдающимся советским лингвистом-востоковедом *Евгением Дмитриевичем Поливановым* (1891–1938) и другими учёными-китаистами СССР. Палладица используется в различных официальных и неофициальных сферах для записи названий территорий, городов, рек и т. п., а также имён лиц, связанных со всей территорией как континентального Китая, так и Тайваня и китайской диаспоры. Данная система транскрипции опирается на стандартную произносительную норму – путунхуа. В настоящее время она тесно связана с пиньинь, отражая фонетическую систему севернокитайского диалекта, признанного большинством китайцев литературным языком. Ныне эта система считается общепринятой и фактически единственной системой записи китайских имен собственных в русском языке.

Правила палладицы устанавливают соответствие букв русской азбуки звукам китайского языка, по ним включаются в русский текст экзотизмы, имена собственные различных разрядов. Однако существует ряд единиц, которые традиционно закреплены в русском языке, отражая диалектное произношение слова. Как правило, эти онимы были записаны по их звучанию в кантонском (гуандунском) наречии, выявлено также влияние европейской традиционной записи: *Пекин*, *Нанкин* (порт. Pequim, фр. Pékin, ит. Pechino, Nanchino, исп. Pekín, Nankín, англ., нем. Peking, Nanking). В почтовой латинизации названия этих городов были записаны как Peking, Nanking. В настоящее время в европейских языках постепенно осуществляется переход записи топонимов на форму, соответствующую пиньиню. В русском языке в художественных и публицистических текстах также появляются топонимы

Бэйцзин, Наньцзин. Сходное явление отмечено в топонимах *Гонконг* и *Макао* (*Сянган* и *Аомэнь*) и в антропонимах *Сунь Ятсен* (*Сунь Исянь*) и *Чан Кайши* (*Цзян Цзеши*) и др.

Для передачи в русских художественных и публицистических текстах наименований административных органов Китая, названий китайских предприятий, учреждений, обществ и других эргонимов используется калькирование, при этом отмечены полная форма названия и его сокращённый, аббревиурованный вариант. В русский текст включаются аббревиатуры, передающие китайские сокращённые названия. Их употребление в русских и русскоязычных СМИ зависит от того, первый или последующий раз используется в тексте эргоним: его первоначальное употребление, как правило, представлено полным вариантом, а затем используется его аббревиатура или сокращённое название: *Центральный комитет Коммунистической партии Китая*, 中国共产党中央委员会 [zhōngguó gòngchǎndǎng zhōngyāng wěiyuánhui], в сокращении – *ЦК КПК*; *Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК*, 中共中央政治局常务委员会 [zhōnggòng zhōngyāng zhèngzhìjú chángwù wěiyuánhui] – *ПК Политбюро ЦК КПК*; *Всекитайское собрание народных представителей* – 全国人民代表大会常委会 [quánguó rénmin dàibiǎo dàhui chángwěihui] – *ВСНП* и мн. др.

В КНР имеются 23 провинции, 5 автономных районов, 4 муниципалитета, 2 особых административных района, в общей сложности 34 территориально-административные единицы. Принято переводить китайские термины на русский язык в следующем порядке: 省 – провинция, 自治区 – автономный район, 直辖市 – муниципалитет, 特别行政区 – особый административный район.

Термин 省 имеет длительную историю в китайском языке. Он возник во время династии Юань, которая в XIII в. ввела новую систему административного деления, обозначив главную единицу 行省 [xíngshěng], её сокращённый вариант 省 [shěng]: 吉林省 [jílín shěng] – провинция Цзилинь. Термин *провинция* появился в России в 1698 г., он был заимствован из латинского *provincia* через польский язык (*provincia*). Русское слово *область* переводится на китайский как 州 [zhōu]. Это слово появилось в китайском языке еще в доциньскую эпоху. Так называлась административная единица первого уровня. Лексема была известна во время правления императора Восточной Хань Лю Хуна в 188 г. Но в настоящее время слово получает новое значение, употребляется как название административной территории второго уровня и обычно относится к автономным округам для этнических меньшинств в Ки-

тае: 延边朝鲜族自治州 ‘Яньбянь-Корейский автономный округ’. Однако этим же словом обозначаются в китайском языке области в России: Волгоградская область – 伏尔加格勒州 [fú'ěrjiāgèlè zhōu]; Московская область – 莫斯科州 [mòsīkē zhōu].

В Китае существуют также *автономные районы*: 自治区 [zìzhìqū]. Их всего пять: Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区 [nèiměnggǔ zìzhìqū]), Гуанси-Чжуанский автономный район (广西壮族自治区 [guǎngxī zhuàngzú zìzhìqū]), Тибетский автономный район (西藏自治区 [xīzàng zìzhìqū]), Нинся-Хуэйский автономный район (宁夏回族自治区 [níngxià huízú zìzhìqū]) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区 [xīnjiāng wéiwú'èrzú zìzhìqū]).

Русский термин *муниципалитет* был заимствован из немецкого языка от слова *Munizipalität*, образованного на основе латинского слова *municipium*. В китайском языке ему соответствует термин 直辖市 [zhíxíá shì], который используется для обозначения городов, прямо управляющихся Госсоветом КНР. С 1997 г. в Китае 4 города имеют центральное подчинение: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин. По своей административной функции эти китайские города центрального подчинения соответствуют российским городам федерального значения: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь.

Урбанонимические системы русских и китайцев отражают как общие закономерности образования названий внутригородских объектов, так и этнолингвистическую специфику ономообразования. История урбанотерминов свидетельствует о том, что русским словом *улица* обозначили пустое, очищенное от всего лишнего пространство, а для обозначения площади использовали единицы, указывающие на её физико-географические характеристики (*плоское место*). В китайском языке существует несколько иероглифов для обозначения городской улицы: 街 [jiē] ‘улица’, 路 [lù] ‘улица; проспект’, 道 [dào] ‘путь; дорога; линия’, 巷 [xiàng] ‘переулок’, 胡同 [hútòng] ‘переулок; улочка’.

Для китайцев важной характеристикой улицы была возможность проезда по ней на повозке, первоначально запряжённой животными, а затем и механической. В китайских урбанотерминах постепенно закрепились сема ориентации по сторонам света (восток – запад, юг – север). Образование урбанонимов у китайцев проходит по моделям с использованием трансонимизации, ориентирующих номинаций, специфически выраженной в лингвокультуре пожелательности: 米市街 [mǐshì jiē] (улица Рынка риса), 起凤街 [qǐfèng jiē], название возникло из фразы 腾蛟起凤 ‘Водяной дракон воспрянет, феникс отрывается’ из произведе-

ния Ван Бо «Предисловие к стихам во дворце Тэнского князя – 滕王阁序», 中山路 [zhōngshān lù] (улица Чжуншаня – по другому имени Сунь Ятсенья), 一二八路 [yīèrbā lù] (улица 28-го января, названа в честь события при Сонгху), 国顺路 [guóshùn lù] (улица Гуошунь, надежды на удачу страны), 蓝天路 [lántiān lù] (улица Ланьтянь, голубого неба) и т. д.

В русских текстах о Китае, как и любой другой стране, обязательно должны присутствовать варваризмы и экзотизмы, описывающие предметы и явления китайской действительности, специфические традиции, обычаи, особенности истории, культуры, нравов народа. Помимо транскрипции таких единиц по-русски, встречаются контексты, объясняющие содержание слов и словосочетаний, отражающие их лингвокультурную специфику. К этим единицам относятся названия китайских праздников, китайских блюд и напитков, наименования родственников и др.

Праздник – это многогранное общественное явление, культурный срез жизни человека, который показывает политические, социально-экономические особенности развития общества. Китайские праздники формировались в доциньский период (до 221 г. до н. э.): канун Нового года – 除夕 [chúxī], Юаньдань – 元旦 [yuándàn], Праздник фонарей – 元宵 [yuánxiāo], Праздник драконьих лодок – 端午 [duānwǔ] и т. д. Первый день по лунному календарю в китайском языке называется разными геортонимами: 元旦 [yuándàn], 元辰 [yuánchén], 端日 [duānrì], в прошлом встречались также обозначения 元正 [yuánzhèng], 元日 [yuánrì], 新年 [xīnnián], 初年 [chūnián] и т. д. Общепринятым названием является 元旦 – Юаньдань. После Синьхайской революции 1911 г. название Юаньдань стало употребляться для обозначения первого января по григорианскому календарю. Первый день года по лунному календарю получил название Праздник Весны – 春节 [chūnjié]. На русский язык эти геортонимы калькируются, реже транскрибируются.

История китайской кухни начинается во времена неолита. Китайцы уделяют большое внимание еде, не только создавая изысканные блюда красивого вида и приятного аромата и вкуса, но и обладая уникальными достижениями в области наименований продуктов питания, столовых приборов, особенностей этикета при потреблении пищи, диетотерапии и здравоохранения. По различию климатических условий, произрастаемых растений, потребляемых продуктов и по специфике быта китайская кухня подразделяется на 8 видов: а) кантонская; б) анхойская; в) фуцзяньская; г) хунаньская; д) Цзянсу; е) шаньдунская; ж) сычуаньская; з) чжэцзянская.

В связи с существенными отличиями кухни русской и кухни китайской названия китайских блюд и напитков чаще, чем геортонимы, транскрибируются. При этом для правильного понимания описываемого факта или предмета в русском тексте из-за недостаточности транскрипции обычно даются пояснения о блюде или напитке, по какому поводу готовится, каковы его ингредиенты и т. п. В некоторых случаях необходим подробный лингвокультурный комментарий по вопросу возникновения глутонима в языке и культуре китайцев: *mapo tofu* – 麻婆豆腐 [mápó dòufu], *цыпленок гунбао* – 宫保鸡丁 [gōngbǎo jīdīng], *фотяоцян* – 佛跳墙 [fótiàoqiáng], «Будда прыгает через стену», *нюйэрхун* – 女儿红 [nǚer hóng], «Красное вино дочери». Каждый приведенный пример имеет свои лингвокультурные, легендарные, исторические оттенки семантики.

В языках всех народов мира существует группа слов для обозначения родственных отношений между людьми, так называемые термины родства. Они представляют собой особое языковое явление и четко определяют коммуникативные и общественные отношения между участниками общения. Термин 亲属 ‘родня; родственники; родство’ в китайском языке появился уже в документах периода Чуньцзо (722–479 гг. до н. э.). Эта терминология в китайской лингвокультуре может быть поделена на несколько групп: 1) термины для обозначения родителей: 父亲 [fùqīn] ‘отец’; 母亲 [mǔ] ‘мать; матушка’; 爹 [diē] ‘папа, отец’; 娘 [niáng] ‘мать; мама’; 2) термины для обозначения родственников по родительской линии: 伯 [bó] ‘дядя, старший брат отца’; 叔 [shū] ‘дядя, младший брат отца’; 舅 [jiù] ‘дядя, старший или младший брат матери’; 姑 [gū] ‘тетка; свекровь; сестра мужа; тетья по отцу; старшая или младшая сестра отца’; 3) термины для обозначения братьев и сестер: 兄 [xiōng] / 哥哥 [gēge] ‘старший брат’; 弟弟 [dìdì] ‘младший брат’; 姊 [zǐ] / 姐姐 [jiějie] ‘старшая сестра’; 妹妹 [mèimei] ‘младшая сестра’; 4) термины родства младшего поколения: 儿子 [érzi] ‘сын’, 女儿 [nǚer] ‘дочь’; 5) термины родства супругов: 老公 [lǎogōng] ‘муж’, 老婆 [lǎowo] ‘жена’. Иногда термины родства со значением ‘дядя’ / ‘тетя’, ‘брат’ / ‘сестра’ употребляются в качестве обращений к посторонним людям, как и соответствующие им русские слова. В русском тексте при описании китайской действительности термины родства обычно используются путем калькирования, реже – транскрипции (*гэгэ, чжир / чжиэр*), но при этом даётся объяснение в виде перевода или комментария.

В **заключении** диссертации подведены итоги работы, намечены перспективы дальнейшего исследования, направленные на анализ

функционирования китаизмов в художественных и публицистических текстах русских писателей-эмигрантов, описывающих жизнь русской диаспоры в Китае. Также интерес представляют перевод и транскрипция китайских слов в русских и русскоязычных текстах о разбросанных по миру чайна-таунах и жизни китайской диаспоры в различных государствах. Нуждаются в более подробном описании история фиксации некоторых китаизмов в русских документах XVII–XIX вв., а также детальные и убедительные этимологические разыскания слов китайского происхождения в русском языке.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации*

1. Вэн, Цзятун. Слово *жемчуг* в русской поэзии и его китайские корни / Цзятун Вэн // Неофилология. – 2021. – Т. 7, № 27. – С. 536–544 (0,9 п. л.).

2. Вэн, Цзятун. Функционирование слова *жемчуг* в русском языке / Цзятун Вэн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2 (155). – С. 122–127 (0,4 п. л.).

3. Вэн, Цзятун. Наименование китайских реалий в русском тексте: проблемы калькирования (на материале названий органов власти, предприятий, учреждений в русских и русскоязычных СМИ) / Цзятун Вэн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2 (165). – С. 227–232 (0,4 п. л.).

4. Вэн, Цзятун. История слова *шёлк* в Китае и России / Цзятун Вэн // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 2 (45). – С. 16–23 (0,5 п. л.).

5. Вэн, Цзятун. Урбанонимические традиции России и Китая: взгляд сквозь века / Цзятун Вэн, В. И. Супрун // Социолингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 136–149 (авт. – 0,45 п. л.).

*Статьи в сборниках трудов и материалов
научных конференций и других научных изданиях*

6. Вэн, Цзятун. Роль заимствования в онлайн-курсах по русскому языку как иностранному в китайской аудитории / Цзятун Вэн // Русский язык в современном онлайн-образовании: сб. материалов меж-

дунар. науч. онлайн-конф. / под ред. В.И. Супруна. – Волгоград: Фортесс, 2020. – С. 377–384 (0,5 п. л.).

7. Вэн, Цзятун. Слово *женъшень* в русской и китайской культурах / Цзятун Вэн // Вопросы краеведения: материалы XXXII Волгоградских областных краеведческих чтений (с международным участием), посвящ. 800-летию со дня рожд. князя Александра Невского. Волгоград, 1–31 янв. 2021 г. – Волгоград: ЦИМТО, 2021. – С. 308–313 (0,4 п. л.).

8. Вэн, Цзятун. Сопоставительный анализ ономастических реалий русского и китайского языков с точки зрения калькирования (тематическая группа названия провинциальных административных территорий) / Цзятун Вэн // Ономастика Поволжья: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рожд. лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. Оренбург, 11–12 нояб. 2021 г. / науч. ред. Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун; сост. П. А. Якимов. – Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С. 34–38 (0,4 п. л.).

9. Вэн, Цзятун. Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщения о Китае в русских текстах XVII–XIX веков / В.И. Супрун, Цзятун Вэн // Вестник Донецкого национального университета. – Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 14–23 (авт. – 0,4 п. л.).

10. Вэн, Цзятун. Лексема *жемчуг* в русской ономастике / Цзятун Вэн, В. И. Супрун // Nazwy własne w przestrzeni wielokulturowej: XXII Międzynarodowa i Ogólnopolska Konferencja Onomastyczna. Жешув, 14–16 октября 2021 г. – Жешув: Жешувский ун-т, 2021. – С. 149–151 (авт. – 0,15 п. л.).

11. Вэн, Цзятун. Китаизмы в русском переводе китайской сказки «Мохнатая лисичка» / Цзятун Вэн // Царицынские рождественские чтения: сб. материалов конф. Вып. 5 / под ред. В. И. Супруна. – Волгоград: ПринТerra-Дизайн, 2022. – С. 224–231 (0,4 п. л.).

Вэн Цзятун

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, ОНОМАСТИКА

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 06.04.23. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27